

ИСТОРИЯ

Загребин С. С.

Реформы российского государства в области веротерпимости в начале XX века*

Статья посвящена изучению эволюции взаимоотношений между институтами государственной власти Российской империи и Русской Православной Церковью в предреволюционный период.

Ключевые слова: религия, Русская Православная Церковь, государственное управление, реформы.

История отношений российского государства и Русской Православной Церкви (РПЦ) имеет сложную, многовековую историю. Драматические конфликты сменялись периодами единения. Для разрешения кризисных ситуаций государство и РПЦ шли на взаимные уступки во имя достижения согласия, в котором всегда виделась основа стабильности общественной жизни, гарантия устойчивости политической власти и экономического уклада общества. В России всегда сохранялось осознание важности роли религии и Церкви в общественной жизни, в перспективах социально-экономического развития общества. При этом государство всегда стремилось подчинить себе РПЦ, прямо или косвенно вмешивалось во внутрицерковную жизнь, регламентировало положение РПЦ в социокультурном пространстве.

Юридическое положение Русской Православной Церкви в правовой системе государства

К началу XX века в России существовала сложившаяся, достаточно стабильная церковная организация. «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного вероисповедания». Император Всероссийский не мог исповедовать никакой иной веры, кроме Православной. «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии Престола именуется **Главою Церкви**»¹. Объявляясь Верховным блюстителем веры, Император фактически приобретал санкционированную законом возможность политического контроля над церковной организацией. Тем самым достигался приоритет государственной, светской власти над церковной. В качестве проводника государственной воли в отношении Церкви выступал Святейший Правительствующий Синод.

Православие в России являлось государственной религией, но при этом законодательно закреплялась свобода вероисповеданий и отправлений религиозных обрядов для лиц, принадлежащих к иным конфессиям. Однако в пределах государства Российского ни духовным, ни светским лицам иных исповеданий не разрешалось прикасаться «к убеждению совести не принадлежащих к их религии», то есть вести религиоз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект РК 2009 Урал: Челябинская область. 09-01-85122 а/у.

¹ Законы о вере и веротерпимости. – СПб., 1899. – С. 1, 3.

ную пропаганду и склонять к принятию своей веры российских подданных, как православных, так и последователей других вероисповеданий. Ослушание каралось в уголовном порядке. Одна господствующая в России Церковь – Православная имела право в пределах государства убеждать не принадлежащих ей подданных к принятию ее учения о вере, то есть православного христианства. Следует сделать важное замечание: одной из специфических особенностей российского православия являлось отрицание насилия как средства достижения любых целей. Сама Церковь неоднократно утверждала, что вера «порождается благодатю Господнею, поучением, кротостью...». Поэтому было законодательно закреплено, что РПЦ «не позволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и веры к православию»¹. Вся процедура принятия православия иноверцами строго регламентировалась в законодательном порядке.

Всеми вопросами веры и религии, кроме Святейшего Синода, ведал Департамент духовных дел иностранных исповеданий. В его компетенцию входили учебные, кадровые, финансовые, учетные и другие вопросы деятельности инославных и иноверных вероисповеданий на территории Российской Империи. Делами еврейской веры занималась специальная Раввинская Комиссия при Министерстве внутренних дел. Практически все иноверцы были наделены правом сооружать собственные молитвенные дома, но всегда с разрешения губернатора. Губернаторам вменялось в обязанность содействовать православному духовному начальству в охране прав Православной Церкви и сохранении незыблемости самой веры, как то: предупреждение, а при необходимости – пресечение ересей, расколов и тому подобных происшествий, «предрассудками и невежеством порождаемыми». Губернатор должен был осуществлять контроль за точным исполнением постановлений о должном уважении в народе воскресных дней и особенно церковных праздников, запрещение казенных и публичных работ и обеспечение правопорядка в эти дни.

Своя роль в качестве блюстителей порядка в вопросах религии отводилась полиции. На законодательном уровне запрещалось учинять ссоры, распри, брань или «чинить поношение» на религиозной основе. Полиции предписывалось охранять гражданское согласие «между всеми, в городе живущими, хотя различных вер», а также следить за общественным порядком во время богослужений в храмах. Сами же представители духовенства напрямую в общественной жизни не участвовали, так как не имели на это права. Земское положение от 1890 года и Городское положение от 1892 года запрещало православному духовенству участвовать в выборах в земские и губернские собрания и в городские Думы (и в качестве избирателей и в качестве возможных кандидатов)².

Отношение Церкви и государства в Российской Империи регламентировалось достаточно подробно. В качестве самостоятельной сферы таких отношений можно выделить цепочку: Церковь – государство – гражданин. Суть ее состоит в наличии в российском законодательстве четкой системы норм, регламентирующих обязанность гражданина, члена общества по отношению к Церкви. И если в духовном плане Церковь напрямую взаимодействует с человеком, то в политико-правовом между Церковью и гражданином стоит государство, проводящее и оберегающее интересы Церкви по отношению к конкретному человеку посредством закона. В наибольшей степени это касалось РПЦ и соответственно конкретного лица, исповедующего православие. Приведем некоторые примеры. В своде законов Российской Империи помещалось до-

¹ Законы о вере и веротерпимости... С. 3.

² Там же. С. 15.

вольно много положений о суровых наказаниях за отступление от Православия и ересях. Всем, рожденным в православной вере, а также обратившимся к ней, запрещалось отступать от нее и принимать на себя иную веру, даже христианскую. Те же, кто отступил от православной веры, подвергались серьезным наказаниям. Изменившим веру лицам воспрещалось «впредь до возвращения их в православие» жить в собственных имениях, населенных православными. Более того, сами имения передавались в опеку, причем посторонним лицам. Если же у отступившего от православия имелись малолетние дети, то государство применяло меры к охранению их православного исповедания. Наиболее сложные вопросы передавались на рассмотрение Императору.

Особая система охранительных мер была разработана для пресечения богохульства и порицания веры. Публичное и сознательное словесное осквернение символов и догматов веры влекло для виновника лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы от 12 до 15 лет, если преступление было совершено в храме, и от 6 до 8 лет для преступления, «учиненного не в церкви, но в публичном месте»¹. Преступление действием, совершенное в храме, каралось не только лишением всех прав состояния, но и бессрочной ссылкой в каторжные работы. Богохульство, не имеющее целью оскорбить святыню или чувства верующих, совершенное по невежеству или пьянству, каралось заключением в тюрьму сроком до одного года. Ссылкой для поселения в отдаленные места Сибири, лишением всех прав состояния, различным сроком тюремного заключения подвергались лица, богохульствующие а печатных изданиях либо иначе распространяющие свои сочинения, а также лица, оказывающие им содействие.

Отправление гражданами церковных обрядов также контролировалось государством. Например, уклоняющиеся от исповеди и причащения, отлучались на время от «должности по службе». Суеверия и все, связанное с ними действия, осуждались не только самой Церковью, но и запрещались в законодательном порядке. Судопроизводство производилось как в гражданских судах, так и в духовных, либо с участием духовного ведомства в гражданских судах в случаях, оговоренных в законодательстве, например, в делах о преступлениях духовных лиц. Духовному же суду подлежали проступки, за которые полагалось лишь церковное покаяние.

Государство порой регулировало и те отношения между Церковью и гражданином, которые, на первый взгляд, не нуждались в постороннем вмешательстве, а именно: добровольное личное решение наложения на себя монашеского обета или отречение от оногo. Пострижение в монашество являлось не только проявлением личного выбора духовного пути конкретного человека, но и сложным, ответственным действием, своеобразным актом перехода члена гражданского общества в духовное сословие. Более того, такой переход налагал на лицо, его совершившее, кроме обязанности добровольного духовного служения, еще и обязанности перед церковной организацией и обществом в целом. Государство выступало участником регулирования отношений человека и Церкви. Сама процедура перехода в монашество определялась соответствующими уставами и обрядами РПЦ, санкционировалась епархиальными архиереями. При этом, желающий принять монашеский сан должен был представить служебное увольнение, а сельские обыватели и «прочие люди податного состояния» представляли увольнение от общества и свидетельство о согласии на то казенной палаты. Окончательное разрешение дел об увольнении в монашество людей податного состояния предоставлялось губернатору. Поступившие в монашество люди отказыва-

¹ Там же. С. 20, 83.

лись от всего своего имущества, но если впоследствии слагали с себя монашеское звание, то обратно имущество не получали.

Снятие монашеского звания также проходило по строгим канонам и при участии государства. Это участие определялось системой законодательно закрепленных норм отношений общества к лицам, сложившим с себя монашеские обязанности. Если монашествующему лицу, с дозволения Церкви, разрешалось сложить с себя звание, то по возвращении в гражданское состояние такой человек пользовался всеми прежними правами «по роду и происхождению ему принадлежащими». Те, кто самостоятельно стремился сложить с себя монашеский обет, кто не внял увещанию монастырских настоятелей о сохранении обета, проявлял непреклонную волю – освобождался от монашеского звания. К такому лицу государство применяло систему дискриминационных мер. Те лица, с которых было снято монашество по их «непреклонному желанию», не принимались в гражданскую службу, не имели права в течение семи лет селиться в обеих столицах, а также в той губернии, где проживали ранее, будучи в монашеском сане. Если же монашеский чин снимался по духовному суду за определенные проступки, то наказание было более строгое. Например, провинившийся мог быть сослан в Сибирь «на всегдашнее пребывание»¹.

Таким образом, можно констатировать, что государство, Церковь и общество как три важнейших института находились в динамическом взаимодействии. Церковь представляла обществу систему духовно-нравственных ценностей; государство удерживало политико-юридический контроль над церковной организацией, использовало духовные традиции православия для идеологического обоснования собственных политических, экономических и социальных программ. Взамен государство предоставляло политико-идеологическую защиту и помощь в реализации духовной миссии Российского Православия. При этом следует подчеркнуть явное отсутствие тотального внедрения Церкви в духовную и социальную в сочетании с иными факторами станут одной из предпосылок революционных событий в России сначала в 1905–1907 годах, затем в 1917 году.

Организационное строение Русской Православной Церкви

Теперь обратим наше внимание на состояние Русской Православной Церкви в начале XX века. В 1900 году в пределах Российской Империи состояло 66 епархий (еще одна епархия находилась в Америке). Епархиями управляли три митрополита, 14 архиепископов и 50 епископов. К концу 1900 года в Российской Империи насчитывалось 49 082 православных храма, а также 18 976 часовен и молитвенных домов.

Российское православное духовенство подразделялось на две основные категории: «монашествующее» и «белое». Монашествующее включало в себя, во-первых, высших иерархов Православной Церкви – митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, настоятелей монастырей и, во-вторых, всю прочую «монашествующую братию». К белому духовенству принадлежали главные священники и протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи, протодиаконы, диаконы и иподиаконы, церковные причетники в звании псаломщиков². Белое духовенство в России состояло из 104 816 служителей, черного духовенства было более 20 тысяч человек³.

¹ Законы о вере и веротерпимости... С. 180 – 182.

² Там же. С. 178.

³ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. – СПб., 1903. – С. 7, 8, 9, 31.

Финансовое обеспечение РПЦ происходило из различных источников. Приходское духовенство, сельское и городское содержались на добровольные пожертвования прихожан за требоисправление. Доходы приносило и церковное землевладение, а также в некоторых местах доходы поступали в виде процентов с капиталов, если таковые были пожертвованы на содержание приютов (духовенства какой-либо церкви). Святейший Синод располагал специальными средствами, годового итог которых достигал 7 000 000 рублей. Эти средства происходили из процентного сбора с доходов всех церквей Империи, процентов с духовно-учебного капитала, отчисляемого церквями и казной. Кроме этого, выделялись средства из государственного казначейства. В конце XIX – начале XX века ежегодная государственная дотация исчислялась суммой в пределах 18 миллионов рублей. Эти средства предназначались на содержание центральных учреждений при Святейшем Синоде, архиерейских домов, кафедральных соборов, викарных епископов, духовных консисторий, монастырей, городского и сельского духовенства, миссионеров, духовно-учебных заведений, церковно-приходских школ и духовных учреждений за границей¹.

Организацией работы на местах ведали церковно-приходские попечительства. Учреждения подобного рода объединяли усилия духовенства и прихожан на обустройство церковной жизни какого-то конкретного прихода. С их помощью решались материальные проблемы прихода, а также религиозно-просветительские задачи. Церковно-приходские попечительства стремились к искоренению пьянства в народе, а также к распространению традиции христианского препровождения праздничных и воскресных дней. Средства церковно-приходских попечительств составлялись в основном из частных пожертвований (членские взносы, кружечные сборы и т. п.).

Схожую с работой церковно-приходских попечительств выполняли церковно-православные братства. В начале XX века эти организации повсеместно учреждались в России. Главной целью их деятельности являлось распространение и утверждение религиозно-нравственного сознания в широких слоях населения, духовное просвещение людей, духовное ограждение их от пропаганды иноверцев и раскольников. Предметом особенного попечения братств являлись церковно-приходские школы. Братства поддерживали их материально, передавали школам учебники, учебные пособия, книги для внеклассного чтения. Материальное вспомоществование оказывалось учителям и учащимся.

Другой религиозно-просветительской задачей братств являлось духовное просвещение взрослого населения. Приходское духовенство, самоотверженные прихожане устраивали внеслужебные собеседования, занимались распространением религиозно-нравственных книг, брошюр и листовок. Внеслужебные собеседования и чтения продолжали дело народных школ – несли в народ просвещение и основы нравственного общежития, а изучение церковных песнопений и молитв населением делали их участие в богослужении не формальным, но осознанным и осмысленным. Чтение и беседы проводились преимущественно священниками, в некоторых приходах им помогали диаконы и псаломщики, иногда в чтениях принимали участие и учителя начальных училищ. Еще одним способом религиозно-нравственного просвещения народа являлось устройство церковно-православными братствами библиотек и книжных складов и распространение в народе книг, брошюр, листовок и так далее.

Другим основным направлением в деятельности церковно-православных братств являлась миссионерская деятельность. В РПЦ миссионерство никогда не отождествлялось с насильственным обращением «неверных» к истинной вере. Рус-

¹ Россия: Энцикл. словарь: (Репринт. изд. – СПб., 1898). – Л., 1991. – С. 170.

скому Православию всегда был чужд дух насилия. Поэтому и собственно миссионерская деятельность сводилась, прежде всего, к противодействию раскольникам, сектантам, активной пропаганде среди иноверцев. Таким образом, РПЦ выполняла миссию духовного просвещения и воспитания народа не только посредством священнического служения, но и с помощью особых приходских образований, таких как церковно-приходские попечительства и церковно-православные братства.

Русская Православная Церковь и иноверцы

В качестве особой темы в отношениях Церкви – государства – гражданина можно выделить проблему взаимодействия РПЦ с иноверцами. Под термином «иноверцы» мы будем понимать две категории верующих: 1) старообрядцы и сектанты и 2) представители инославных и иноверных исповеданий, т.е. не православного, а иных исповеданий (римско-католического, армяно-католического, армяно-григорианского, евангелически-лютеранского, евангелически-аугсбургского, евангелически-реформаторского, менонитов, баптистов и других). А также лица нехристианских иноверческих исповеданий (караимы, евреи, магометане, ламаиты и т.д.)¹. Старообрядцы также подразделялись на поповцев, беглопоповцев и безпоповцев, которые в свою очередь распадались на отдельные секты, а те в свою очередь разделялись на множество «толков» и «согласий». Наиболее опасными для РПЦ были поповцы и их секты, поскольку внешне вся их организация, обряды, ритуалы были схожи с официальным православием, однако упрощены. В сектах православие преподносилось в вульгаризированном, искаженном виде. Неграмотные крестьяне попадали под влияние этих сект и тем самым покидали лоно Русской Православной Церкви.

Руководство РПЦ, в частности Святейший Синод, называли невежество народа главной причиной сохранения раскольников. Разумеется, основным средством противодействия сектантству и расколичеству полагалось само присутствие Русской Православной Церкви, ее миссионерская, просветительская работа. Это понимали и раскольники, поэтому их поселения располагались на значительном удалении от приходских церквей. Сами поселения, раскольнические секты и общины вели замкнутый образ жизни, практически не вступали в контакты с внешним миром и воспитывали в своей среде фанатическую ненависть к Православной Церкви. Материальная самостоятельность раскольников, наличие раскольнической литературы и собственных моленных домов (а с 1897 года на их открытие в частном доме не требовалось специального разрешения властей) – все это позволяло раскольникам существовать автономно и независимо от РПЦ, да и от общества тоже.

Другим не менее опасным противником Русской Православной Церкви были секты, не столько по-своему трактующие церковные догматы, сколько принципиально отвергающие христианское учение. Распространение сект в России в начале XX века отражало общий дух нигилизма, сопутствующий революционным настроениям в обществе. Вот как воспринимался этот процесс современниками: «...Для России наступила тяжелая пора внутреннего переустройства, замены старых изживших воззрений и порядков новыми, пора, страшная тем, что в это время так часто рушатся и

¹ Там же. С. 170.

обесцениваются самые драгоценные сокровища народной жизни и лишь по тому одному, что они состояли в случайной связи с тем, что оказалось ветхим и обреченным на уничтожение. С болью в душе нужно признать, что именно такая опасность может представиться для главного сокровища нашей народной жизни – веры православной, чтобы понять это, нужно только посмотреть на то море газет, брошюр, листовок, которые изливаются теперь на народ; все это, при всем различии оттенков, неизменно антирелигиозного направления»¹.

В период революции 1905–1907 годов антирелигиозные настроения в обществе значительно усилились. Более того, они охватили практически все слои общества. Особенно быстро революционные идеи с явно выраженным враждебным отношением к Церкви распространялись в среде учащейся молодежи – гимназистов, студентов и даже – в значительной части питомцев духовной школы. Частым явлением становились беспорядки в семинариях, порой они принимали бурный, часто «террористический» характер. Воспитанники били стекла, лампы, громили казенное имущество, бросали камни в окна квартир своих начальников, случались и поджоги самих учебных заведений. Митрополит Евлогий объяснял этот процесс особенностями жизненного опыта семинаристов. В XIX – начале XX века в России для детей духовенства не было иного пути к образованию, кроме семинарии. Поэтому в духовную семинарию шли учиться не по призыву души, а по неизбежности, не из желания посвятить себя служению Церкви, а чтобы получить хоть какое-нибудь образование. Семинаристы настойчиво добивались установления в духовных семинариях порядков и строя светских общеобразовательных учебных заведений. Тем более, что после окончания духовных семинарий более половины учеников, и притом часто лучшие из них, уходили на светскую службу и в светские высшие учебные заведения, а в священнослужители шли «сплошь и рядом юноши слабых успехов и познаний...»². Разумеется, при подобном положении неизбежно разрушалась традиционная система церковного обучения и воспитания, а с нею и уважение к священнику в обществе.

Столь же революционно-нигилистическое, а в лучшем случае – равнодушное отношение к религии и Церкви было присуще российской интеллигенции. Отчего же проистекало подобное отношение к Церкви со стороны интеллигенции, учащейся молодежи, которая, по сути, являлась основным источником пополнения слоя людей, занимающихся преимущественно умственным трудом, то есть интеллигенции (если использовать социологические критерии в идентификации этого общественного слоя). Думается, это во многом связано с ортодоксальностью Русской Православной Церкви.

Основой монолитности, единства и, соответственно, роли РПЦ в истории России являлась, пожалуй, именно каноническая ортодоксальность российского православия. Первая же попытка трансформировать сложившиеся традиции, принятая в XVII веке Патриархом Никоном (1605–1681), закончилась церковным расколом. В дальнейшей истории православия на Руси подобных попыток более не делалось. Разумеется, Православная Церковь изменялась, являясь органической частью русского общества, русской национальной культуры, участвующая в политической жизни

¹ Белявский Ф. О реформе духовной школы. – СПб., 1907. – Ч. I. – С. III.

² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. – Ч. 2. – С. 477.

ни общества через взаимодействие с системой государственных институтов. Однако духовная сущность русского православия оставалась неизменной. В тех российских семьях, где традиции религиозного воспитания являлись неотъемлемой частью всего жизненного уклада, религиозность и соответственно уважительное отношение к Церкви, осознанное исполнение религиозных обрядов было органической частью сознания, мировосприятия, всего строя жизни. В большей же части российских семей религиозное просвещение было формальным. Вырастали целые поколения, у которых знание религиозных вопросов было поверхностным, вера не твердой. Именно в такой среде развивалось «вольнодумство». Новые нигилистические или материалистические идеи соперничали с вульгаризированным пониманием догматов Церкви, сути православной веры. В этом «неравном» споре одерживали победу атеистические идеи, сформировавшие впоследствии мировоззрение всего советского общества. И подобная ситуация была характерна не только для российской интеллигенции, а практически для всех слоев русского общества.

Ортодоксальность РПЦ не позволяла ей активно трансформировать трактовку основных религиозных догматов. Бурно развивающаяся общественная мысль уже не удовлетворялась прежними религиозными воззрениями, не принимала «на веру», стремилась к доказательности «символа веры», и, не находя ответа, спешила отринуть Церковь как устаревший общественный институт, как архаическую этическую систему. Серьезную попытку по-новому осмыслить историю и учение Русской Православной Церкви предприняли русские философы, такие как П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. С. Соловьев и другие. Однако русская религиозно-философская мысль не овладела умами всего общества. Это объяснимо, ведь русская религиозная философия сложна сама по себе, требует для своего восприятия глубоких историко-философских знаний. Россия же, как мы знаем, имела примерно 80% неграмотного населения, а в среде грамотных и даже образованных людей религиозное воспитание, как правило, было формальным. В результате этого в обществе распространялись более понятные, простые (если не сказать примитивные) политические воззрения, причем преимущественно ярко выраженного атеистического направления. Очень точно положение Русской Православной Церкви в начале XX века определил канадский ученый, профессор Д. В. Поспеловский. Вот что он писал: «Это одиночество Церкви в активно живущем мире и в тисках государственного прессы, воспринимаемого обществом как союз Церкви и государства, т.е. как показатель реакционности и антинародности Церкви, лишало ее надежды на поддержку общественности в противостоянии государственному аппарату и заставляло опираться на этот аппарат как на единственную ее опору за пределами крестьянской массы»¹.

Следует подчеркнуть, что РПЦ никогда не являлась источником реакционности и консерватизма в русском обществе. Православное духовенство несло в себе богатейший потенциал духовной культуры, и это понимали в определенных кругах российской интеллигенции, которая не раз обращалась к Святейшему Синоду за позволением устраивать религиозно-философские собрания с участием духовенства. А в 1911 году в Петербурге такие собрания стали созываться систематически. В провин-

¹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 20.

ции ничего подобного не было, но решающего значения это не имело, так как в начале XX века кардинальные вопросы общественного развития решались в столице. Провинция могла их только копировать, что и произошло в период первой русской революции 1905–1907 годов. Ощущая надвигающуюся бурю, правительство предприняло меры к введению гражданских свобод «сверху». Этот процесс отразился и на отношении к Церкви.

Мероприятия государства по осуществлению церковной реформы

Двенадцатого декабря 1904 года был подписан Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату, в котором император Николай II объявлял необходимость широких реформ в обществе, декларировал решимость осуществить эти реформы. Основные пункты предполагаемых реформ утверждали незыблемость российских законов, неотвратимость наказания за преступления, равенство всех перед судом вне зависимости от сословий, пересмотр законоположений о личной свободе граждан, введение государственного страхования рабочих, расширение прав и полномочий земских и городских самоуправлений.

В отношении веры и веротерпимости предполагалось осуществление пересмотра закона о правах раскольников, а также лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям. Кроме того, в административном порядке следовало принять соответствующие меры к устранению всякого притеснения граждан на религиозной основе. Намерения реформ поддерживались нарастанием революционных настроений в обществе.

Через несколько месяцев выходит новый указ, подписанный Николаем II от 17 апреля 1905 года: «Об укреплении начал веротерпимости». В этом указе выражаются уже не только намерения реформ, но их суть. Высочайшее повеление определяло, что переход из православия в другое христианское исповедание или вероучение не грозит человеку какими-либо преследованиями. В указе снималось, имевшее ранее место, ограничение гражданских прав по причине принадлежности к иной вере. Например, указ разрешал христианам всех исповеданий крестить по собственным обрядам детей, взятых на воспитание («подкидышей» или «неизвестных родителей»). Новые права получали раскольники; теперь они рассматривались в законодательстве дифференцированно, как старообрядческие согласия и сектанты. Старообрядцам и сектантам разрешалось сооружение молитвенных домов по правилам, определенным для прочих инославных исповеданий, а также разрешалось открытие молитвенных домов, закрытых ранее в административном порядке. Последователи изуверских учений (из среды сектантов) преследовались в уголовном порядке. Указом от 11 февраля 1905 года Комитету министров поручалось совместно с Министерством внутренних дел отменить все административные распоряжения, стесняющие свободу вероисповедания.

Следующим шагом Николая II стало Высочайшее повеление от 25 июня 1905 года, согласно которому даровалось помилование всем, совершившим преступления против веры, предусмотренные прежним законодательством. Осенью 1905 года другой Высочайший указ разрешал старообрядцам и сектантам иметь собственные кладбища. Через год, осенью 1906 года последовал указ, предоставляющий старообрядцам

и сектантам широкие права и свободы в организации общин, строительстве молитвенных домов, отправлении всех обрядов вероучения. Фактически в отношении к старообрядцам, да вообще к представителям всех неправославных вероучений, государство добровольно отказывается от регламентирующих функций, оставляя за собой функции регистрационные и формально-контролирующие¹.

Окончательный указ о веротерпимости последовал 30 октября 1906 года. Теперь веротерпимость закреплялась в системе основных государственных законов. Вместе с провозглашением Православия государственной религией в Своде Основных государственных законов декларировалось, что «все, принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, ... пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужение по обрядам оной». Кроме того объявлялось, что свобода веры принадлежит теперь не только христианам, но и евреям, магометанам и язычникам. «Да все народы, в России прибывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца Вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи». В течение 1905–1906 годов вышло ряд правительственных указов и распоряжений, подробно регламентирующих все правовые аспекты утверждения в России веротерпимости, касающиеся практически всех основных религиозных конфессий, имеющих на территории Российской Империи².

Российское общество в социально-правовом отношении в начале XX века было далеко неоднородно. Отсюда следует, что отношение к введению гражданских свобод, в том числе веротерпимости, было неоднозначным и определялось социальным статусом, классовыми особенностями и политическими ориентациями граждан. Нам же необходимо отметить, что введение в России веротерпимости было воспринято многими представителями Русской Православной Церкви настороженно либо негативно. Практически все религиозные конфессии, получив свободу в самоорганизации и отправлении религиозных обрядов, фактически стали независимы от государственного аппарата и получившие возможность строить внутрицерковные отношения по своему усмотрению. Русская Православная Церковь, оставаясь оплотом государственной религии, продолжала нести бремя мелочного государственного контроля и, фактически в правовом отношении уравненная с другими конфессиями, оставалась несвободной, обрекалась на необходимость соотносить собственные интересы с общегосударственной политикой.

Бесправие РПЦ как общественно-политического института сознавалось церковными иерархами давно, а начавшиеся революционные события, затем введение веротерпимости катализировали годами копившееся недовольство. Необходимость церковных преобразований высказывалась на разных уровнях. При Комитете министров было образовано особое совещание по церковным вопросам. Наиболее либерально настроенные участники совещания высказались за радикальные церковные преобразования, направленность и содержание которых должен был определить Поместный Собор с участием не только православного духовенства, но и мирян. Сам факт

¹ Законодательные акты переходного времени. – СПб., 1906. – С. 6, 7, 40, 42, 79, 102; Законодательные акты переходного времени. 1904–1908. – СПб., 1909. – С. 424.

² Законодательные акты переходного времени. 1904–1908... С. 629.

требования созвать Собор был почти революционным, т.к. Поместный Собор не созывался более 200 лет. Собору предстояло решить вопрос о выборе Патриарха и соответственно этому изменить всю систему управления Церковью, а также принципы отношения Церкви и государства. Николай II признал желательным созыв Собора, но пока не своевременным, хотя мероприятия по подготовке Собора уже начали проводиться. Святейший Синод предложил епархиальным архиереям Русской Православной Церкви высказать свое мнение по поводу положения Церкви и возможных направлений ее реформирования. Циркуляр от 28 июня 1905 года определил круг тем, по которым предлагалось высказаться епархиальным первосвященникам, а именно: о разделении России на церковные округа, о преобразовании церковного управления и суда, о церковных приходах, об усовершенствовании духовных школ, о церковной собственности, о епархиальных съездах, об участии священнослужителей в общественных учреждениях и другие вопросы. Свои рекомендации священнослужители направляли в Святейший Синод, а затем поступившие предложения были опубликованы отдельным изданием «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Издание вышло в 1906 году в трех объемных томах.

По всем обсуждаемым вопросам были высказаны подробные, аргументированные суждения; иногда мнения сходились, иногда противоречили одно другому, но в целом, можно выделить те направления, по которым обозначилась общность позиций практически всех иерархов РПЦ. Во-первых, всеми признавалась необходимость созыва поместного Собора и даже желательность регулярного созыва Соборов в России. Признавалась необходимость восстановления института патриаршества. При этом дискутировались проблемы представительства на Соборе, в частности возможность участия в нем приходского духовенства, а также мирян. Во-вторых, с восстановлением патриаршества и регулярных Соборов многие иерархи связывали возможность и необходимость освобождения Церкви от тотального государственного контроля. В качестве элементов этого процесса назывались мероприятия по расширению участия представителей Церкви в общественной жизни, наделению большими полномочиями приход, как одно из важных звеньев церковного самоуправления. Именно в приходе виделось многим то место, где должна установиться тесная связь «у пастыря и пасомых», то есть связь мирян, реальных граждан общества и священничества как для решения насущных проблем прихода, так и для духовного общения, неформального участия людей в жизни Церкви. В связи с этим поднимался вопрос о возможности литургических реформ, так как многие миряне не имели соответствующего религиозного воспитания и не понимали многих элементов богослужения¹. При этом очень немногие говорили о возможности перевода богослужения на современный русский язык. Примечательно, что и сегодня эта проблема вновь стала актуальна, и активно обсуждается в средствах массовой информации.

Одной из обсуждаемых проблем был вопрос об образовании митрополий, то есть церковных округов под руководством митрополитов, с предоставлением им права созывать областные Соборы, а также передачи в ведение митрополитов части вопросов второстепенной важности, находившихся ранее под контролем высшего цер-

¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе.— СПб., 1906. — Ч. 2. — С. 473.

ковного управления. В числе предполагаемых митрополий назывались Пермская, Вятская, Оренбургская и Уфимская. Главная же идея состояла в возможности соблюдения в митрополиях более строгого канонического порядка. В числе необходимых реформ называлась реформа духовной школы. Отмечались частые жалобы педагогов на перегруженность учебных программ, неадаптированность их к возрастным особенностям учащихся; отмечалось также падение дисциплины и разобщенность воспитанников церковных учебных заведений. Для решения перечисленных проблем предполагалась система мероприятий, охватывающих наиболее важные стороны школьной жизни. Однако наполненность этих мероприятий понималась священнослужителями по-разному: от незначительных изменений в учебных планах до упразднения самого типа духовно-учебных заведений и создания школы нового типа – свободной и открытой.

Всех архиереев беспокоила проблема повышения авторитета Русской Православной Церкви в обществе. Епископ Екатеринбургский Владимир одной из причин падения авторитета Церкви называл индифферентность самой Церкви «в борьбе со злом и беззаконием». Государство во многом способствовало ослаблению авторитета Церкви в обществе. «Государственные люди, пользуясь непротивлением Церкви, в продолжении двух столетий с своей мирской точки зрения опекали ее так успешно, что Церковь у нас почти обезличилась, почти потеряла свой нравственный авторитет и религиозную власть над образованными классами»¹.

Обсуждение вопросов предстоящих церковных реформ охватило умы не только первосвященников, но и широких слоев духовенства. В печати появлялись статьи, предлагающие свой взгляд на церковные реформы². Высказывались мнения практически по всем наиболее значимым вопросам Церкви. Наибольшую обеспокоенность вызывала утрата былой духовной связи Церкви со своим народом. Причиной этого называли кастовую замкнутость духовенства, отстраненность его от реальной жизни, общества, насущных потребностей людей. Разобщенность Церкви и общества приводила к взаимному непониманию, а порой и к антагонизму, к утрате веры, увлечению атеистическими воззрениями³.

Обеспокоенность положением РПЦ заставила группу петербургских священников обратиться (9 февраля 1905 года) к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию с просьбой принять их и позволить откровенно высказаться перед ним о положении Церкви. Встреча состоялась (14 февраля) и продолжалась в течение двух с половиной часов. На встречу были приглашены и викарные епископы. Собравшиеся священники с горечью высказывали свои наболевшие чувства по поводу «неестественно-бессильного» положения Церкви, соборного самоуправления, о необходимости перемен во всем строе церковной жизни. Звучали предложения об отмене духовной цензуры, о повышении чувства ответственности пастырей в их служении, о необходимости нелицеприятного диалога с государственной властью. Высказанные идеи нашли понимание у Антония, и он благословил инициаторов встречи, позволив им собираться и обсуждать настоятельные нужды церковной жизни. Желая, чтобы эти беседы со-

¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. – Ч. 3. – С. 3.

² Мищенко О.И. О составе предстоящего Собора русской Церкви. – Киев, 1906. – С. 62.

³ Перед церковным Собором. – М., 1906. – С. 49.

проводились практическими результатами, члены кружка предоставили митрополиту записки, в которых отражали ряд вопросов, выдвинутых жизнью и требующих неотложного решения. Первая записка от 15 марта 1905 года «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». В записке говорилось, что только восстановление соборности поможет Церкви выработать верные ориентиры в быстро изменяющемся мире, в бурных социальных и политических катаклизмах, потрясающих Россию. Записка была опубликована в газете «Слово», митрополит Антоний передал содержание записки в Святейший Синод, а затем напечатал ее в «Церковном Вестнике» под названием «О необходимости перемен в русском церковном управлении». В прессе началась дискуссия по этой проблеме. Кружок стал известен как в духовной среде, так и в светской под именем группы «тридцати двух петербургских священников». В кружок постепенно вливались новые члены, не только из духовного звания, но и светские, поэтому они приняли другое название «Союз Церковного Обновления». Кружок выпустил сборник «К церковному Собору», в котором содержались статьи, отражающие принципиальные положения нового церковного движения.

«Союз Церковного Обновления» наметил ряд основных задач, которые следовало решить. К первой группе относились канонические вопросы, ко второй – организационные, касающиеся строя церковной жизни, управления, суда, организации приходов, церковного воспитания и образования и т.п. Особое внимание уделялось вопросам участия Церкви в современной жизни общества, в процессах государственного, общественного, экономического развития, а также решению теоретической проблемы, имеющей прямое практическое значение, – об отношении христианства к земной жизни человечества, к его культурно-историческому творчеству. Кардинальная цель «Союза Церковного Обновления» состояла в служении делу «полного и всестороннего обновления церковной жизни, понимая это обновление как пробуждение и восстановление свободного, верного вселенскому христианству, всестороннего церковного творчества на основе всеобъемлющей Христовой истины». По мнению обновленцев, Церкви следовало ограничить свое участие в государственных делах, сосредоточив при этом свое внимание на обществе. И это стало бы началом прямого диалога с обществом, без организационного и идеологического посредничества государства. В этой связи многими обновленцами отвергалась необходимость патриаршества, в котором они видели призрака бюрократизации церковной жизни и государственного диктата¹.

Практических изменений в положении РПЦ тогда не произошло, но важен был сам факт пробуждения Церкви, нарастающего стремления духовенства к преобразованиям, обновлению внутрицерковной жизни, принципов и стиля отношения с государством и народом. К сожалению, этот процесс проходил одновременно с революционными потрясениями, которые и отвлекли широкие массы от участия в церковном обновлении и от самой Церкви. Император Николай II всячески оттягивал время созыва Собора, но в то же время он не имел возможности игнорировать реально начавшийся процесс церковных преобразований. В начале 1906 года было найдено ком-

¹ К церковному Собору. – СПб., 1906. – С. IX.

промиссное решение. По совместному соглашению Императора и Св. Синода учреждалось Особое Присутствие из представителей церковной иерархии, а также духовных и светских лиц, известных своими учеными трудами и познаниями в области богословия, церковной истории, канонического права и церковной практики. Высочайше утвержденное определение Св. Синода, опубликованное в «Церковных Ведомостях» 21 января 1906 года, обозначало цель предсоборного Присутствия: разработку и подготовку к рассмотрению на Поместном Всероссийском Соборе как первоначально намеченных, так и вновь возникших вопросов церковных преобразований. Председателем Особого Присутствия был назначен митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Ему предоставлялось право привлекать к работе Присутствия, в качестве членов, духовных и светских лиц, способных оказать необходимое содействие решению тех или иных вопросов. Одним из таких приглашенных участников Присутствия стал известный историк В. О. Ключевский.

В начале марта 1906 года Особое Присутствие приступило к работе, разделившись на семь отделов, с особыми председателями из списков членов Присутствия. Особое Присутствие рассматривало вопросы, связанные с преобразованием церковного управления; вопросы о разделении России на церковные округа и преобразовании местного церковного управления; вопросы организации церковного суда и решения некоторых процессуально-правовых проблем; вопросы реорганизации приходов, церковных школ; о регламентации отношений церковной собственности и участия священнослужителей в общественных и сословных учреждениях; вопросы преобразования духовных учебных заведений и вопросы о мерах по ограничению воздействия на «православную веру и христианское благочестие» иных религиозных учений, получивших большие свободы в результате введения веротерпимости. Таким образом, на долю Особого Присутствия выпала важная задача подготовки материалов практически по всем вопросам, подлежащим рассмотрению на Соборе. Была проделана колоссальная работа, собран богатейший интеллектуальный материал, выработаны принципы отношения к основным вопросам церковных преобразований.

На двух особо важных темах хочется остановиться отдельно. Это принципы взаимодействия Церкви и государства и вопрос об учреждении патриаршества. Часть членов Особого Присутствия высказалась против установления патриаршества. Очевидно, что вопрос о патриаршестве имел две стороны: внешнеполитическую, определяющую позицию Патриарха в отношениях с государством, и внутрицерковную, касающуюся роли Патриарха в решении канонических и организационных проблем Церкви. Многие участники совещания опасались, с одной стороны, возможной монополизации власти Патриарха и соответственно ущемления принципов соборности и, с другой стороны, трансформации института патриаршества в новый проводник государственных интересов, а значит, и новое ограничение прав и свобод Церкви. При всей дискуссионности подобных опасений история показала их справедливость. Учрежденное на Соборе 1917–1918 годов патриаршество было ограничено в правах, хотя позже приобрело больше прав и влияния и внутри Церкви, и в отношениях с государством. А Советская власть в 1930-е годы сумела наладить систему реализации собственных интересов в РПЦ, в том числе и через институт патриаршества.

Что же касается позиции Особого Присутствия в вопросах отношения Церкви и государства, то, признавая вековую сопричастность этих двух общественных институтов, высказывалась желательность сохранения как можно большей независимости Церкви от государства. Эта позиция во многом определялась введением в России веротерпимости, принесшей конфессиональную свободу всем, кроме РПЦ. Особое Присутствие разработало программу из 12-и пунктов, регулирующую отношения Церкви и государства. Согласно этому проекту Император переставал именоваться «главой Церкви» и получал определение «верховного покровителя и охранителя ее благопорядка». Наиболее важные церковные вопросы должны были согласовываться с Императором, а текущие церковные дела решаться без его участия. Императору предоставлялось право назначать прокурора, контролирующего принимаемые Церковью решения в плане соответствия их российскому законодательству. Подобная программа, в случае её принятия, могла кардинально изменить всю систему и наполненность отношений Церкви и государства. Материалы работы Особого Присутствия публиковались в «Церковном Вестнике», но с большим опозданием, поэтому широкие слои духовенства и общественность, особенно в провинции, не имели возможности принимать живое участие в обсуждении намеченных планов церковных преобразований. Предсоборное Присутствие заседало несколько месяцев (до декабря 1906 года), затем его труды были опубликованы и переданы Николаю II для ознакомления. Однако созыв Собора снова был отложен до 25 апреля 1907 года¹.

Собственную попытку убедить царя в созыве Собора предприняли в 1916 году депутаты от духовенства в Государственной думе. Но и это обращение осталось без внимания. Вероятно, Николай II, наблюдая за дискуссией в духовенстве при подготовке к Собору, опасался самой возможности смуты внутри Церкви, уже имея горький опыт государственных беспорядков в период революционных событий 1905–1907 годов. Но искусственно сдерживаемые церковные преобразования, в том числе в плане отношений Церкви и государства, неизбежно способствовали все большему отделению Церкви от общества. Не имея возможности самостоятельно строить собственную внутреннюю и внешнюю политику, оставаясь в бюрократическом подчинении государственному аппарату, Церковь все больше идентифицировалась в общественном сознании с оплотом самодержавия, духовным охранителем всех государственных акций и деяний, порой антигуманных и даже враждебных народу.

Церковь все более теряла свой былой духовный авторитет в обществе, а вместе с ним исторгалась приверженность православным христианским ценностям. В обществе происходило размывание нравственных критериев. Современники отмечали, что человечество проживало в этот момент «один из тягчайших и глубочайших идейных кризисов, когда-либо испытываемых... Старые верования пришли в упадок и не имеют власти над сердцами; новой веры не видно – человечество не знает больше к чему оно должно стремиться, для чего жить, какие начала оно должно воплощать в жизни... И этот идейный кризис отчетливее всего обнаруживается в факте общественной безыдейности и общественного неверия. На словах или в отвлеченном размышлении большинство людей как будто еще имеют какую-то веру: одни веруют в христианст-

¹ Кузнецов Н.Д. По вопросам церковных преобразований. – М., 1907. – С. 3, 5, 10, 83, 148.

во, другие – в науку, третьи – в человека и т. п. Но мало у кого осталась та цельная, подлинная вера, которая узнается по ее плодам: вера, определяющая поведение человека, выражающаяся в ясном и непосредственном понимании добра и зла, должного и недопустимого, в личной и общественной человеческой жизни... Этот жестокий и как будто безысходный кризис общественной веры, во всей своей действенной силе обнаружившийся после войны и русской революции, когда человечество почувствовало себя потерявшим дорогу и зашедшим в тупик...»¹.

Эта ситуация, положенная на общий нигилистический дух революционных событий и модные атеистические воззрения, все более отдаляла Церковь от российского общества. Своеобразным посредником в отношениях РПЦ с обществом и государством могла стать интеллигенция, но и в этой среде преобладали революционные настроения. Более того, леворадикальная интеллигенция, использующая революционный террор как средство достижения собственных политических целей, была враждебна Церкви, поскольку именно РПЦ изначально отвергала сам принцип насилия. Таким образом, ни государство, ни российская интеллигенция, ни пронизанное революционными идеями общество не были заинтересованы в реформировании Церкви, а значит и усилении её позиций и влияния. Русская Православная Церковь оставалась в одиночестве. Трагизм её положения усиливался тем обстоятельством, что Церковь не могла предпринимать никаких активных действий. Принципы христианской морали, всего опыта православия в России не позволяли Церкви вступать в активную политическую борьбу, тем более использовать в этой борьбе формы и методы политических партий. В подобной ситуации лишь государство могло выступить силой, способной укрепить позиции Церкви в обществе, но государство предпочитало укреплять собственные позиции, иногда за счет авторитета Церкви. Итак, круг замкнулся. Церковные реформы, взятые под контроль государства, оказались губительны для Церкви, не принесли долгожданных общественных свобод и в итоге не смогли удержать общество на пороге революционных потрясений.

¹ Франк С. Л. Религиозные основы общественности // Путь. – 1925. – Сентябрь. – № 1. – С. 14–15.